

Мек. комсомолец - 2004 - 19 февраля - с. 7

АНАТОМИЯ ЖИЗНИ

Это очень по-русски — переписать собственную историю, изменив ее до неузнаваемости. Это очень модно — собрать все байки и сплетни. И это очень прибыльно — напечатать небылицы "а-ля рус" на Западе.

В историческом исследовании "Власов" Владимира Батшева, вышедшем на русском языке во Франкфурте-на-Майне, перевернуто все с ног на голову: Зоя Космодемьянская, оказывается, "психически больная школьница, которую трусливые мужчины из чекистской банды Судоплатова послали совершить поджог в оккупированном селе". Александр Матросов — боец штрафного батальона и уголовник. И даже Аркадий Гайдар погиб не на фронте — его убили надзиратели в сталинском лагере. И хотя подобные "сенсации" тиражируют за буром пачками, впервые родственники героев — "перевертышей" решили обратиться с иском о защите чести и достоинства в немецкий суд.

"Если бы я был убит..."

В партбюро Союздетфильма, 15 июля 1941 г. от Гайдара А.П. (орфография автора сохранена)

"Дорогие товарищи! На тот случай если бы я был убит обращаюсь с просьбой. В 1931 году моя жена Р.Л.Соломянская во время моей отлучки с сыном вышла замуж за некоего Разина, который был арестован и где он — бог его знает. В том же году как его жена была арестована Р.Соломянская.

В 1938 году через 7 лет после того как Р.Соломянская вышла замуж — я женился на хорошем человеке Д.М.Чернышевой и был с ней зарегистрирован. Но так как Р.Соломянская была тогда в тюрьме, то формально расторгнуть с ней брак не представлялось возможным.

А так как она человек очень практичный и хитрый, то после моей смерти она очень легко может затеять против моей жены судебную кляузу, на что у нее хватит и сил и энергии и умения.

Очень прошу Вас если так случится одернуть человека. Не стыдиться себя, меня и звания члена партии.

Крепко жму руки. Аркадий Гайдар". "Человек человеку волк" — в завистливой литературной среде 30—40-х это было почти аксиомой, которая, впрочем, не имела к Гайдару никакого отношения. Его обожали, несмотря на то, что он был талантлив и успешен. Всю меру любви товарищей по перу Гайдар ощутил летом 1932 года, когда в одну минуту лишился и жены, и сына.

Рахиль Лазаревна Соломянская была третьей женой писателя, родила ему сына Тимура и работала редактором на Союздетфильме. Гайдар, как и многие литераторы того времени, активно сотрудничал с этой киностудией. Выйдя "замуж за некоего Разина", кото-

го вокзала. Старая железная кровать да маленький столик. И — борщи, пироги, застолья. Дарья Матвеевна — статная, красивая женщина — готовила на славу, к тому же у нее была домработница Наташа, тоже знатная повараха. От гостей не было отбоя.

— Он появился у нас, когда мне было пять лет, и сразу же меня удочерил, — рассказывает дочка Гайдара Евгения Аркадьевна. — Отец всегда много работал, и тогда мы ходили на цыпочках. Всех почему-то интересуют папины загулы и сколько у него было жен. Или как он в Гражданскую расстреливал людей... А он мечтал быть военным, его рекомендовали в Генштаб. У нас всегда дома были развешаны карты. То, что его отлучили от армии, было для него настоящей трагедией... Он много ездил по стране и прекрасно знал, что происходит. "Что делать? Что делать?" — переживал он. И пил. Вся пишущая братия была пьющей, дома мы называли это партийным алкоголизмом. А отцу нельзя было пить категорически! Из-за давнишней контузии. Он обычно заранее чувствовал, что скоро начнется приступ, и сам ездил в Сокольники, в психиатрическую больницу. У него был там свой доктор. Его хорошо там лечили, и к началу войны боли практически прошли. "Знаешь, Дорочка, — сказал он как-то маме, — здесь есть девочка. Она очень больная, жалко ее". В Сокольниках вместе с ним лечилась Зоя Космодемьянская.

О Родине и мужестве

В маленькой комнатке — чай, пирожки, конфеты. Значит, с минуты на минуту придет дядюра. Гайдар обожал мальчишки, а он обожал поговорить с ними по-мужски, "за жизнь".

— "Что такое Родина?" — как-то спросил он у ребят, — продолжает Евгения Аркадьевна. — И сам же ответил: "Родина начинается тихо и с малого объема: со двора, улицы, города". Или его разговоры про мужество: "Это не состояние души. Это любовь ко всему, что тебя окружает". Мы во дворе все были папанинцами и Пашами Ангелиными или играли в Галину Уланову, а папа водил нас всех в театр.

"Дядя Гайдар, вот вы такой знаменитый, а чемоданчик у вас так себе", — пристал к нему как-то мальчишка из детдома. "Было бы хуже, если бы я был так себе, а чемоданчик у меня знаменитый", — не растерялся дядя Гайдар.

Гайдар в 14 лет ушел из дома и в 17 уже командовал полком — факт общеизвестный. Единственное, что он взял с собой, было потрепанное Евангелие на старославянском, которое знал наизусть. Уходя в 41-м на фронт, он подарил его дочери. Евангелие то, 1885 года издания, цело до сих пор.

— Помню, стоим мы у репродуктора. А оттуда — Левитан, объявление о войне. "Война будет затяжной, вот увидишь", — сказал он тогда и побегал в редакцию — проситься на фронт, — вспоминает его дочь. — Когда он уезжал, более грустного человека не было...

С войны от него пришло пять писем. В шестом сообщалось о его гибели — при отступлении, 26 октября 1941 года. Его похоронил стрелочник, вместе с документами. "Вы приедете, и я вам покажу, где его могила", — сообщал он родным Гайдара. Это письмо попало к Дарье Матвеевне только несколько лет спустя — оказалось, похоронку перехватила бывшая жена Соломянская. И пошла по стране гулять мифы, самый нелепый из которых — о гибели писателя от рук надзирателя в лагере под Воркутой — расписали в Германии.

— На вскрытии могилы присутствовала моя старинная подруга, профессор Валентина Скаржицкая. В то время она была секретарем ЦК комсомола Украины, — рассказывает друг семьи Гайдар Владимир Разумный, знавший Аркадия Петровича лично. — Я прекрасно помню ее рассказ: Гайдар был похоронен по христианскому обычаю, в своей любимой гимнастерке. Его легко опознали, потому что он хорошо сохранился.

Гайдар до конца войны считался пропавшим без вести, и его вдова и дети не получали ни копейки за переиздание его книг. И только в 50-е годы, когда была найдена его могила, за родственниками писателя наконец-то были признаны их права.

— Мы так устали от всяких небылиц!.. Ведь были живы свидетели его смерти, тот же стрелочник, как и обещал, указал место его захоронения, — удивляется Евгения Аркадьевна. — Аркадий Петрович первым увидел засаду и предупредил остальных... Ну зачем надо что-то придумывать и в чужой стране выдавать всякий бред за историческую правду?

Мода на прошлое

Мода на коммерческую историю диктует свои правила — не вникая особенно в реальные события, собрать все, что выходило на интересующую тебя тему, и сделать из этого некое "популярное", переписав известные факты на свой лад. Вот и получается, что на одно объективное исследование приходится пара десятков исторических фальсификаций.

— Да, этим у нас сейчас многие увлекаются, — подтвердил Михаил Славинский, ветеран издательства "Посев", который называли оплотом русской мысли за границей. — Главное, чтобы читалось легко. А где правда, где вымысел — уже никто не разбирается.

Только бизнес — ничего личного. Яркая обложка, бойкий анонс — и все, продано!

— Я очень хотел, чтобы мою книгу напечатали в России, и предлагал ее 16 ведущим издательствам, но все мне под разными предлогами отказали, — не скрывает "возмутительной спокойствия" писатель Батшев, живущий во Франкфурте-на-Майне. — Но я ведь писал не о Гайдаре или Дьяченко. И даже не о генерале Власове. Мои книги об освободительном движении народов России против Сталина. В марте в Германии выходит уже 4-й том моего исследования.

Мы обратились к известным исследователям проблемы т.н. власовского движения с просьбой прокомментировать труд г-на Батшева. "Наверное, бывает и хуже, — подсадили пилюлю коллеги по цеху. — Обсуждать здесь особенно нечего — никакого исследования нет и в помине. Хотя четырехтомник называется "Власов", о самом генерале и его окружении едва ли наберется пара сотен страниц".

Выиграть иск о защите чести и достоинства на Западе — дело не из легких.

— Конечно, родственники Дьяченко и Гайдара могут обратиться с таким иском в немецкий суд. Чисто риторически, потому что на практике осуществить задуманное под силу лишь очень богатым людям, — говорит адвокат Александр Островский, секретарь Союза кинематографистов России. — Такой процесс стоит больших денег, а по закону наш адвокат не имеет права вести такие дела за границей. На практике же киношной пенсии с трудом хватит на телеграмму в Германию. О немецком же защитнике нечего даже мечтать.

Разве что найдется какой-нибудь состоятельный филантроп, которому за державу обидно? Сделает красивый патриотический жест — сейчас это модно.

Елизавета МАЕТНАЯ.

Валентин Дьяченко и его жена Валентина Павловна.

Таким он уходил на фронт.

— Мне позвонил знакомый из Германии и зачитал отрывок из книги Батшева. Якобы мой муж, сценарист Валентин Дьяченко, в большой компании рассказал, что на самом деле Аркадий Гайдар погиб вовсе не в 41-м при отступлении. Его, оказывается, привезли в лагерь к "власовцам", где муж тогда сидел. И Гайдар так выпендривался и всех "достал", что его убили надзиратели.

Я чуть со стула не упала. Чтобы Валя в большой компании нес этот бред? Да надо было его просто знать — он людей приближал к себе очень неохотно, а откровенничал только с самыми близкими, — говорит вдова сценариста Валентина Павловна. — К тому же остались его воспоминания, которые мне бы очень хотелось когда-нибудь издать. Так вот — в них о появлении в лагере Гайдара нет ни слова.

Валентин Дьяченко не так давно умер. И для его близких такая слава из-за границы — чуть ли не нож в сердце.

На Западе подобная "литература" — стопроцентный коммерческий успех. В России ее или не замечают, или с радостью перепечатают. Что бы ни писалось, сами участники событий до этого обычно не доживают, а их родственники плюются и стараются не обращать внимания. В Европе и Америке поступают по-другому — подают иск о защите чести и достоинства.

Похоже, книжная цивилизация наконец-то дошла и до нас. За честь фамилии вступились родные Аркадия Гайдара и Валентина Дьяченко.

В камере смертников

"Все-то вы про нас, бабоньки, знаете. Кроме одного — почему мы одних любим, а других замуж берем" — эта цитата из фильма "Мужики!" в свое время стала крылатой. Киносценарист Валентин Дьяченко написал сентиментальную историю, в которой, как он сам говорил, "нет баб и нет любви". Зато в ней есть настоящие мужики, способные на очень многое — даже взвалить на свои плечи чужих троих детишек. Фильм стал бестселлером и получил Госпремию. Павла, главного героя картины, Дьяченко писал с себя — он тоже растил чужих малышей и прекрасно знал, что это такое. Может быть, поэтому фильм получился таким искренним и настоящим.

...Такую судьбу, как у Дьяченко, нарочно не придумаешь. В 20-е годы на Украине большевики расстреляли его отца. Голод был страшный, а на мельнице, как на грех, исчез мешок муки. Забрали всех, кто жил по соседству, и закопали тоже вместе — возле кладбища. Потом на свежие трупы налетели голодные собаки... От отца осталась лишь кисть, ее опознали по татуировке "Тася" — так звали Валентину маму. Потом был отчим — хороший человек, настоящий коммунист. Он занимался раскулаченными. Их держали по несколько суток на жаре без еды и питья. Отчим велел выдать несчастным хотя бы воды. Потом он крепко запил. А после положил партбилет на стол.

К моменту, когда Валентина забрали в армию, весь комсостав в СССР был уже практически уничтожен. Дьяченко попал в разведшколу. Учили плохо, мало, в основном "налегал" на спорт. Лейтенантские звездочки, месяц отпуска и — на финскую войну. Из его училища сформировали диверсионно-разведывательный батальон. За эту войну он получил орден Красного Знамени — заменил в походе убитого командира взвода, был ранен.

Новое назначение — за три дня до начала Великой Отечественной, в Бельцы. Отступал вместе с 9-й армией. Николаев, Каховка, Таганрог, Ростов, задонские степи и наконец — Элиста. Там-то в конце 42-го его и арестовали — разоблачили как шпиона-двойника. Вместо пистолета "ТТ" Дьяченко носил трофейный "Манлихер" и ездил на отобранном у "языка" немецком мотоцикле. К тому же по чем свет ругал бездарных командиров и лично ходил в разведку — потому что ходить было больше просто некому. Да еще поссорился с начальником контрразведки — на Дьяченко "положила глаз" его пассия...

Приговор оглушил — высшая мера, расстрел. 55 дней он провел в камере смертников. И вдруг — новое решение, необычайная милость, 10 лет лагерей.

"Немецкие овчарки" с сифилисом

Воркута, Инта, Усть-Иса — с конца 1942 года начинается угледобывающая история Коми. Дьяченко вместе с политическими работал в шахтах, давал стране угля.

...Первая послевоенная зима была страшная, — рассказывает Дьяченко. — На улице — минус 50 — минус 60. Телеграфные столбы лопались со звуком винтовочного выстрела. Люди не выдерживали голода, шахт и морозов, и каждое утро вывозили возы трупов. В итоге в лагере образовалась огромная недостача арестантов. Интеллигенцию заменили уголовники, а однажды, когда вылезли из шахты, по колонне прокатился слух: к нам баб пригнали! Мы увидели огромный этап — человек 300—400. Это прибыл шешлон из Крмыя, привез так называемых немецких

овчарок (так называли их чекисты за связь с немцами). Одно время у меня в смене женщин было больше, чем мужчин, а работать с ними в лагере, в шахте, по колесу в воде — это ужас!"

И вот в смену Дьяченко попала деревенская девочка. Ей дали пять лет за то, что убежала с торфяных работ, чтобы помыться. По лагерю, который из-за привезенного "овчарками" сифилиса пришлось закрыть на карантин, прокатился слух: а Оля-то — "целка!"

Уголовники объявили на нее настоящую охоту, поэтому Дьяченко с мужиками забрали Ольгу к себе в барак — доставали ей мыло, делились куском хлеба, и даже не трогал надзиратель. Самый отъявленный уголовник по кличке Нос, пришедший с этапом со штрафной, поспорил, что он первым "попробует целины". Он подкарауливал девочку с ножом, но вместо нее всегда наткнулся на Валентина. Выбора не было: кто-то из них должен был убить другого. Умер Нос. Дьяченко, с финкой в сердце, выжил. Валентина отравили на каторгу, в 40 км от Воркуты, где были одни бендеровцы и власовцы, осужденные на 15—20 лет.

— Как он с ними нашел общий язык, до сих пор непонятно — до него на этом участке зарезали четырех начальников смены, — рассказывает вдова Дьяченко Валентина Павловна. — А Валентин проработал с ними два года — с 1945-го по 1947-й. Именно в это время, если верить "немецкой версии", в лагерь и привезли Аркадия Гайдара. Я отлично знаю всех, кто с ним сидел, но об Аркадии Петровиче он даже ни разу не заикался. Что и неудивительно — потому что его там не было.

После лагеря Дьяченко, "тонкого, звонкого и прозрачного", приласкала хорошая женщина с двумя детишками. Она была вольнонаемной. Вдвоем они вырастили ребят и жили вместе до ее смерти. А через пару лет Валентин Михайлович снова женился — на Валентине Павловне, всю жизнь проработавшей на телевидении.

...Он устроился на "Азовсталь" чернорабочим — больше с такой биографией никуда не брали. В 1958-м ВГИК объявил конкурс на лучший сценарий о судьбе страны. Дьяченко послал свою работу, и его вызвали в Москву.

— Мы вместе поступали на сценарный факультет, конкурс был сумасшедший — из 350 человек брали только 20, — рассказывает кинодраматург Константин Цветков. — Все экзамены он сдал на "5", шел первым номером. Тут-то бойцы идеологического фронта и присмотрелись повнимательнее к его биографии: а ведь замаранный! Но за Дьяченко вступился Алексей Каплер: "Я тоже замаранный, я тоже там был!" (Каплер преподавал во ВГИКе сценарное мастерство и тоже сидел — за роман со Светланой Аллилуевой, дочерью Сталина. — Е.М.)

После ВГИКа Валентин Дьяченко работал на "Мосфильме" и преподавал на высших сценарных курсах. На его лекциях не было свободных мест, и он никогда не отказывал в помощи ученикам. Вы не увидите его фамилии в титрах, хотя он писал сценарии ко многим лентам, ставшим киноклассикой. Даже в сценаристах его самого известного фильма — "Мужики!" — стоит псевдоним — В.Михайлов. Работа "налево" не приветствовалась ни в одной студии.

ДУРИЛКА КАРТОННАЯ

В Германии сочинили историю России но новый под

Гайдар вместе с женой Дорой и дочкой Женей.

Редкий кадр: Та самая больница в Сокольниках, где писатель лечился вместе с Зоей Космодемьянской.

Рый был секретарем Горького, она лишила бывшего мужа и крыши над головой, и средств к существованию. "Ой, Аркадий Петрович, а Рахиль Лазаревна уже забрала ваш гонорар", — говорили ему в кассе.

Маленькая комнатка в коммуналке возле Курско-